

ЗНАКОВАЯ ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ

Отношение к языку, который, по выражению М. Хайдеггера, есть «дом бытия»¹, отражает общую метафизическую позицию той или иной эпохи в целом. В этом смысле характер отношения к языку как к знаковой системе, имеющей место в новоевропейской метафизике, не случаен, но коренится в самом существе новоевропейской мысли. Следовательно, содержание знаковой теории языка невозможно осветить вне общего контекста философии Нового времени. Это – с одной стороны. Однако, с другой стороны, верно и то, что понимание существа новоевропейской метафизики остается неполным до тех пор, пока проблеме языка не оказано должного внимания.

Содержание метафизики Нового времени раскрывается в понятии математического. Происходящее от греческого *τὰ μαθηματά* – знание, учение, а следовательно, и обучение, которое, согласно Платону, есть не что иное, как припоминание; понятие математического означает заранее данное, но временно и по некоторой причине недоступное знание. Такое знание немислимо вне определенным образом понятого разума как инструмента познания. Это есть разум предвосхищающий, предопределяющий, или, иначе, схватывающий в себе разум (*Mente Concipere*). Метафизическим основанием подобного понимания познающего разума послужила философия Декарта и его принцип *Ego Cogito*, утверждающий первореальность мыслящего сознания и выделяющий инстанцию познающего разума в качестве нового критерия достоверности. Лозунг Ф. Бэкона «Знание – сила» и другие полные воодушевления перед предстоящим познанием слова, произносимые в новую эпоху, свидетельствуют об открывшейся познанию на новых основаниях бесконечной перспективе. Наука Нового времени приобретает характер свободного исследовательского предприятия, желающего и имеющего достаточно мужества подвергнуть рассмотрению и исследованию всю сотворенную природу: «У скрытой и замкнутой вначале сущности вселенной нет силы, которая могла бы противостоять дерзанию познания; она должна раскрыться перед ним, показать ему свои богатства и свои глубины и дать ему наслаждаться ими»². Очевидно, что в ситуации господства испытующего и всепроникающего взгляда науки стало невозможным по-

¹ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. М.: «Республика», 1993. С. 192.

² Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: «Наука», 1999. С. 65.

нимание природы как носительницы логосного начала и как следствие этого собственно понимающее и внимающее к ней отношение. Точка зрения науки есть точка зрения могущества, охватывающего и подчиняющего своему расчету все мироздание. Однако согласно принципу *verum-factum*, в соответствии с которым в Средневековье господствовало убеждение, что только Бог, как Творец, владеет всей полнотой знания, познаваемо только то, что содеяно самим познающим. Но повторить дело творения природы человек не в силах. Ему остается только строить план творения в своей мысли. В этом именно смысле Гегель называет ступени своей «Логики» «как бы мыслями Бога до начала творения». Таким образом, метафизика Нового времени предполагает иной образ мысли и понимания бытия в целом. И если верно то, что «мысль дает бытию слово»³, возникает вопрос, каков облик языка, чтобы ему нашлось место в мире, оформленном новыми ориентирами, или, иначе, каков язык бытия, понятого как сознание?

Т. Гоббс (1588–1679) обращается к вопросу о языке в рамках своей гражданской философии (*philosophia civilis*). В непосредственном состоянии человечества, имеющего характер всеобщей вражды («человек человеку волк»), язык выступает как закон, как общее дело и условие опосредствования, следовательно, преодоления естественного состояния. Также и в науке на долю языка выпадает задача упорядочивания и согласования различных мнений.

Основным препятствием для правильного мышления Гоббс считает неоднозначность и непоследовательность мыслей и, соответственно, делает вывод: «Для занятия философией необходимы некоторые чувственные объекты запоминания, при помощи которых прошлые мысли можно было бы оживлять в памяти и как бы закреплять в определенной последовательности»⁴. Такие чувственные объекты Гоббс называет *метками*. Однако чтобы эти метки действительно служили науке, они должны обладать характером общезначимости. «Только тогда, когда эти метки памяти являются достоянием многих и то, что изобретено одним, может быть перенято другим, наука может развиваться на благо всего человеческого рода»⁵. Такие общезначимые метки, согласно Гоббсу, суть *знаки*. Чувственными объектами подобного рода в математике являются числа. Именно поэтому математика превосходит все остальные науки однозначностью и неизменностью своих определений, а именно поскольку в силу договоренности математика оперирует строго фиксированным набором имен, а во-вторых, поскольку способы употребления этих имен строго регламентированы в форме определений и аксиом.

³ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. С. 192.

⁴ Гоббс Т. Основ философии. Ч.1 // Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: «Мысль» 1989. С. 82.

⁵ Там же.

Однако мысль, и в особенности мысль философскую, невозможно просто исчислить, представить алгебраической формулой или обрисовать геометрической фигурой. Но ее можно выразить в речи. «Если издаваемые людьми звуки так связаны, что образуют знаки мыслей, то их называют речью, а отдельные части речи – именами»⁶.

В связи с вышесказанным необходимо указать, в чем же состоит определенность знака как такового. «Знаками (Signa) же друг друга нам служат обычно вещи, следующие друг за другом, предваряющие или последующие, поскольку мы замечаем, что в их последовательности существует известная правильность. Так темные тучи служат знаком предстоящего дождя, а дождь – знаком предшествовавших туч... Среди знаков некоторое естественные, например те, о которых мы только что говорили; другие же произвольны... сюда относятся свешивающийся плющ для обозначения виноторговли, камень, указывающий границу поля, и определенные сочетания слов, обозначающие наши мысли и движения нашего духа»⁷. Таким образом если метка есть совершенно произвольно выбранное обозначение для той или иной мысли, то знак, в силу общности своего применения, предполагает некоторую связанность, «правильность» и порядок. Почему Гоббс и говорит: «Имена, каждое само по себе, могут служить только метками для оживления мыслей в памяти; знаками же эти имена служат лишь тогда, когда их соединяют в определенном порядке, части которого они образуют»⁸. Отсюда следует, что вполне произвольные имена приобретают характер общезначимости, будучи «вставлены в предложение и обращены к кому-либо другому»⁹. Порядок, о котором говорит Гоббс, при этом есть сама структура предложения S есть P, согласно которой два имени, *субъект* и *предикат*, соединены при помощи *связки*. «Имена пробуждают в нас мысль об одной и той же вещи, связка напоминает нам, на каком основании эти имена даны вещи»¹⁰.

«Имя есть слово, произвольно выбранное нами в качестве метки, чтобы возбуждать в нашем уме мысли, сходные с прежними мыслями, и одновременно, будучи вставленным в предложение и обращенным к кому-либо другому, служить признаком того, какие мысли были и каких не было в уме говорящего»¹¹. И далее: «Я считаю возникновение имен результатом произвола... Ибо тот, кто наблюдает, как ежедневно возникают новые имена и исчезают старые и как различные нации употребляют различные имена, кто видит, что между именами и вещами нет

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 83.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 94.

¹¹ Там же. С. 83.

никакого сходства и невозможно никакое сравнение, не может серьезно думать, будто имена вещей возникают из их природы»¹². Гоббс утверждает произвольность установления имен. Впрочем, речь здесь не идет о произвольном характере имен как таковых. Дело не в утверждении софистов, согласно которому: «Если то из сухих вещей, что мы теперь называем человеком, я стану именовать лошадью, а то, что теперь лошадью, – человеком, значит, для всех человеку будет имя “человек” и только для меня “лошадь” и, наоборот, для меня “лошадь” будет “человек”, а для всех – “лошадь”»¹³. Но, по Гоббсу, неверно и то, что имена принадлежат самим вещам и что вещи сами себя называют и сказывают. Это исходная посылка в определенном смысле обратна протагоровому «Человек есть мера всех вещей», ведь в современном ему обществе и так слишком мало стабильности, чтобы еще и в мысли утверждать субъективизм. Но и в логосную природу вещей Гоббс не верит. «Имена определяются не видами вещей, а волей и соглашением людей»¹⁴. Гоббсу здесь важно не то, что человек сам дает вещам имена, но прежде всего то, что он называет определенные вещи раз и навсегда установленными именами. Речь идет о создании нового языка, причем о создании его на разумных основаниях, а не стихийно. В период, когда разум овладевает всем сущим, он необходимым образом подчиняет своей власти и язык. И в этом смысле новый язык, язык как знаковая система есть язык *математический*. На язык возлагается задача стать инструментом познающего разума; отсюда требование однозначности, строгости и правильности. В результате и вещи приобретают новые имена, и без этого переименования вещей никак не обойтись, ибо то, у чего нет имени, это уже вовсе нам неизвестно.

Гоббс утверждает: «Так как согласно определению, имена как составные части речи есть знаки наших представлений, то отсюда ясно, что они не есть знаки самих вещей»¹⁵. Ведь и «слово *ничто* есть имя»¹⁶, однако нет, да и не может быть, вещи, которая бы соответствовала ему. Беда в том, что всё, что касается собственно положения вещей, т.е. непосредственности и естественности, дискредитировало себя в хаосе всеобщей вражды. Кроме того, новоевропейский разум самой своей сутью связан с задачами, стоящими перед мыслителями новой эпохи: создание нового общества (утопия), создание новой науки (*Mathesis Universalis*) и создание нового языка (система знаков). Гоббс стоит на позиции номинализма, утверждающего условность, или номинальность, всеобщих определений и удостоверяющего реальность конкретных понятий. Как

¹² Там же.

¹³ Платон. Кратил // Сочинения в 4-х тт. Т. 1. М.: «Мысль», 1994. С. 614.

¹⁴ Гоббс Т. Там же. С. 112.

¹⁵ Там же. С. 84.

¹⁶ Там же.

говорит М. Хайдеггер, «Все проблемы, которые возникают в связи с предложением, в том числе проблема истины и вопрос о копуле (т.е. в конечном итоге вопрос о бытии – *В.Л.*), номиналистическая постановка вопроса ориентирует на взаимосвязь слов»¹⁷. Когда нет всеобщих сущностей, дело касается только слов. Так таблица категорий, которую приводит Гоббс, есть только таблица классификации имен, а закон исключенного третьего (а или не а) предстает в форме правила об именах: «Положительные и отрицательные имена исключают друг друга; они не могут быть применены к одной и той же вещи»¹⁸ и так далее. В связи с этим и истина теперь принадлежит исключительно области высказывания: «Истина – свойство не вещей, а суждений о них»¹⁹; и ошибки в суждениях тоже касаются только употребления слов: «Люди неправильно высказываются по вине собственной небрежности, отступая от твердо установленных имен вещей, между тем как они не были введены в заблуждение ни самими вещами, ни своими органами чувств»²⁰. «Ни вещи, ни представления вещей нельзя считать ошибочными, ибо и те и другие в действительности представляют собой то, чем они являются»²¹.

И более того, «так как... всякое *имя* имеет отношение к *объекту наименования*, то независимо от того, существует ли он в природе как вещь или нет, мы все же можем в научных целях обозначить всякий такой объект как *вещь*, причем безразлично, существует ли эта вещь в действительности или только в представлении»²². Точно в той же степени, в какой для Галилея в его научных изысканиях не важно, существует ли пустота или бесконечность на самом деле, так и Гоббс «в научных целях» считает допустимым пренебречь «реальным существованием», ибо не о нем здесь речь, – и тем самым он по-своему, т.е. собственной мыслью, выражает суть математического мышления.

Своего рода последователем знаковой теории языка Гоббса был Дж. Локк (1632–1704). Впрочем, являясь приверженцем эмпиризма, утверждающего опыт в качестве источника познания, для него уже не представлялось возможным рассуждать об истине только в отношении истинности высказываний. Г.В.Ф. Гегель считает заслугой Гоббса то, что он «вскрывает наличие всеобщего и вообще мысли в чувственном бытии»²³, хотя и находит «обычным» и «безынтересным» утверждение о том, «будто чувственное, ограниченное, непосредственно существую-

¹⁷ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: «ВРФСШ», 2001. С. 241.

¹⁸ Гоббс. Там же. С. 85.

¹⁹ Там же. С. 99.

²⁰ Там же. С. 112.

²¹ Там же. С. 113.

²² Там же. С. 85.

²³ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3. С. 376.

нее является главной основой познания»²⁴. Согласно Гегелю, мысль Локка состоит в том, что «с одной стороны, истина, познание покоится на опыте и наблюдении и, с другой стороны, эта философия предписывает в качестве правильного хода познания анализирование и абстрагирование всеобщих определений»²⁵. Таким образом, одним из важнейших понятий, кроме понятия опыта, в философии Локка является понятие *идеи*: «Так как у ума во всех его мыслях и рассуждениях нет непосредственного объекта, кроме его собственных идей, одни лишь которые он рассматривает или может рассматривать, то ясно, что наше познание касается только их»²⁶. Речь, впрочем, идет не об идее как образе, *ἔϊδος*, Платона, представляющем собой вид вещи как таковой, но не вполне определенную абстракцию, полученную «от материальных предметов через *ощущение* и от деятельности нашего ума через *рефлексию*»²⁷; или как выразился Гегель, «слово «идея» Локк употребляет здесь отчасти в смысле представления и отчасти в смысле мысли»²⁸.

Каким же образом осуществляется познание идей? «Познание есть... восприятие связи и соответствия либо несоответствия и несовместимости любых наших идей». При этом такое соответствие, согласно Локку, бывает четырех видов: 1) тождество или различие; 2) отношение; 3) совместное существование, или необходимая связь; 4) реальное существование²⁹. «Ибо всякое возможное для нас исследование о какой-либо из наших идей, все, что мы знаем, или можем утверждать о них, состоит в том, что одна идея одинакова или неодинакова с другой, что она всегда существует или не существует совместно с другой идеей в одном и том же предмете, что она имеет то или иное отношение к другой идее или что она имеет реальное существование вне ума»³⁰. Локк неоднократно указывает на ограниченность человеческого познания и приводит тому несколько причин. Однако, как и Гоббс, в качестве серьезнейшего препятствия на пути постижения истины он рассматривает неправильное употребление языка: «Как я полагаю, неправильное употребление *слов* более всего мешало и мешает надлежащему *исследованию* наших идей и выявлению их взаимных отношений и соответствий или несоответствий их друг с другом. Нельзя должным образом отыскивать и достоверно выявлять соответствие и несоответствие самих идей, когда мысль беспорядочно порхает или застревает только на звуках сомни-

²⁴ Там же. С. 377.

²⁵ Там же. С. 378-379.

²⁶ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. Кн.4 // Сочинения в 3-х тт. Т. 2. М.: «Мысль», 1985. С. 3.

²⁷ Там же. С. 31.

²⁸ Гегель Г.В.Ф. Там же. С. 382.

²⁹ Локк Дж. Там же. С. 3.

³⁰ Там же. С. 5.

тельного и неопределенного значения»³¹. «Ибо когда люди все время употребляют слова неопределенного и неточного значения, они не способны отличать в своих собственных суждениях истинное от ложного»³². Язык как собственный носитель логосного начала, язык как стихия, есть отныне только пустой звук.

Единственная наука, которой удалось избежать путаницы и неопределенности, привносимой в познание неверным употреблением слов, была математика «благодаря абстрагированию мыслей от названий и привычке ставить перед своим умом сами рассматриваемые идеи, а не обозначающие их звуки»³³. Следовательно, ключом к правильному познанию и верному употреблению слов является мысль об отделении идей от слов, которыми они выражаются. По этому поводу Локк замечает: «У большого числа людей... быть может, осталось бы очень небольшое от их мыслей и размышлений, если бы их попросили размышлять только о самих вещах и отложить в сторону слова, которыми они так часто сбивают с толку других, а нередко и самих себя»³⁴. Следовательно, в качестве образца и формы научного языка, т.е. языка, который не вносит путаницы в познание, но служит его истинности, Локком принимается язык математики, сущность которого состоит в том, чтобы его элементы служили «видимыми и прочными знаками» тех или иных соображений.

Соответственно с изменением взгляда на сущность познания, меняется и характер понимания истины: «Истина в собственном смысле слова означает лишь *соединение или разъединение знаков сообразно соответствию или несоответствию обозначаемых ими вещей друг с другом*. Это *соединение* или *разъединение* знаков мы называем иначе “*положением*” (proposition). Так что, собственно говоря, истина относится только к высказываниям»³⁵. Однако в отличие от Гоббса, который отождествлял истину с истинностью некоторого высказывания S есть P, где субъект и предикат были именами одной и той же вещи, Локк предлагает, и это становится возможным только в рамках знания как познания идей, разделить высказывание на *мыслительное* и *словесное*. Мыслительным высказыванием при этом он называет «соединение или разъединение идей без слов», а словесным, соответственно, – соединение и разъединение слов как знаков этих идей. Дело заключается в том, чтобы, следуя примеру математики, научиться «абстрагировать мысли от названий», в результате чего содержанием мысли станут сами идеи, а слова сделаются лишь знаками этих идей, что само по себе является вовсе не простой задачей, поскольку слова и мысли так тесно сопряжены в

³¹ Там же. С. 38.

³² Там же.

³³ Там же. С. 38.

³⁴ Там же. С. 53.

³⁵ Там же. С. 52.

нашем уме, что «мы пользуемся словами вместо самих идей даже в тех случаях, когда размышляем и рассуждаем про себя и молча составляем мысленные высказывания»³⁶.

В зависимости от того, соответствует ли высказывание, мыслительное или словесное, реальному положению вещей, Локк разделяет также истину на истину словесную, или номинальную, и истину реальную, т.е. соответствующую самим вещам. «Когда идеи соединены или разъединены в уме согласно тому, соответствуют или нет друг другу они сами или обозначаемые ими вещи, то это можно назвать *мыслительной истиной*. Но истина слов есть нечто большее, а именно утверждение или отрицание одного слова относительно другого согласно соответствию или несоответствию обозначаемых ими идей»³⁷. Словесные высказывания, следовательно, согласованы с мыслительными и о последних нет необходимости рассуждать отдельно. «Чисто *словесная истина* та, где слова соединены согласно соответствию или несоответствию обозначаемых ими идей безотносительно к тому, существуют ли действительно или могут ли существовать наши идеи в природе. *Реальную же истину* слова содержат тогда, когда эти знаки соединены согласно соответствию наших идей, а сами идеи таковы, что (как мы знаем) могут существовать в природе»³⁸. И далее: «*Истина реальна* лишь постольку, поскольку обозначаемые таким образом в звуках идеи соответствуют своим прообразам»³⁹. Справедливости ради, надо заметить, что и Гоббс считает истинным только то высказывание, в котором оба имени, как субъект, так и предикат, относятся к одной и той же вещи, на что и указывает связка «есть», то есть на собственное положение вещей, так что без бытия дело не обходится и здесь⁴⁰.

Первореальность опыта в познании, которую отстаивает Локк, и следовательно, обращенность непосредственно к вещам, создает такое впечатление, будто бы слова принадлежат самим вещам и что в словах нам раскрываются сами вещи, однако Локк все же мыслит в рамках понимания бытия как сознания и хотя и рассматривает опыт в качестве источника познания, как таковым познанием он считает взаимоотношение идей самого разума. Согласно этому и слова являются истинными тогда лишь, когда соответствуют прежде всего идеям, а уже через них вещам. Слова, таким образом, оказываются не именами вещей, но наименованиями, обозначениями, или знаками идей. И хотя знак не является совершенно чуждым означаемому, свой смысл он все же обретает

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 54.

³⁸ Там же. С. 55.

³⁹ Там же. С. 56.

⁴⁰ По этому поводу см.: *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии. С. 241-253.

только в самом означаемом. И в этом смысле, т.е. ввиду лишенности слов их собственной сказывающей способности, они и являются в некотором роде произвольными: как утверждает Локк, «*неправильное наименование не мешает достоверности познания*»⁴¹.

Наиболее последовательно проект создания нового языка осуществлял Г.В. Лейбниц (1646–1716). Вся предшествующую ему традицию рассуждения о языке как знаковой системе он сам описывает следующим образом: «Давно уже некоторые выдающиеся мужи выдвинули идею некоего универсального языка, или универсальной характеристики (*characteristica*), посредством которой прекрасно упорядочиваются понятия и все вещи, посредством которой различные нации могут сообщать друг другу свои мысли и с помощью которой то, что написано одним, мог бы каждый читать на своем языке, никто, однако, не пытался создать язык, или характеристику (*characteristix*), в которой одновременно содержалось бы искусство открытия и искусство суждения, т.е. знаки, или характеры которой представляли бы собой то же, что арифметические знаки представляют в отношении чисел, а алгебраические – в отношении абстрактно взятых величин»⁴².

Комбинаторное искусство Лейбница имеет более категоричную форму, чем учения его предшественников. В качестве знаков идей Лейбниц предлагает использовать не просто слова, значения которых строго оговорено и зафиксировано, но числа. «Давно было сказано, что Бог устроил все согласно весу, мере и числу... Нет ничего такого, что не допускало бы выражения через число. Следовательно, число есть как бы метафизическая фигура, а арифметика является своего рода статикой универсума, посредством которой исследуются потенции вещей»⁴³. Это последнее утверждение о потенции вещей, в конечном итоге восходящей к его учению о монадах, имеет свое основание в идее Лейбница о том, что всему, что бы ни происходило с вещью, причиной является не нечто внешнее, но ее собственная природа: «Субстанция (с божьего соизволения и содействия) является непосредственной и подлинной причиной того, что происходит в ней самой, и потому, строго говоря, ничего навязанного ей извне не существует»⁴⁴. В рамках теории высказываний эту же мысль Лейбниц высказывает так: «Я заметил, что понятие, предципируемое о другом понятии, присутствует в нем так же, как умножаемое число в произведении»⁴⁵. Таким образом, так же, как монада является зеркалом универсума в целом, слово в системе языка, если со-

⁴¹ Там же. С. 45.

⁴² Лейбниц Г.В. История идеи универсальной характеристики // Сочинения в 4-х тт. Т. 3. М.: «Мысль», 1984. С. 412.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Лейбниц – Фуше // Там же. С. 279.

⁴⁵ Лейбниц Г.В. Элементы разума // Там же. С. 459.

блюдены все правила его построения, представляет собой всю систему языка в целом.

Существует целый ряд работ, где, хотя и фрагментарно, содержится изложенный Лейбницем метод и собственно алфавит нового универсального языка. В качестве основных единиц языка Лейбниц использует буквенные символы, согласно которым *термин* есть любые *a* или *b*, *имя* – например, некоторое *c*, составленное как произведение из *a* и *b*, подобно тому, как понятие «человек» определено понятиями «разумное» и «животное»; *высказывание* имеет вид *a есть b* и так далее. В качестве существенного момента своего предприятия Лейбниц рассматривает абсолютную безотносительность знаков к означаемым элементам. Подобно тому, как Локк считал безразличным, называть ли трапецию «треугольником» или «трапецией», лишь бы соблюдалось условие наличия трех углов и трех сторон, а также равенства углов двум прямым⁴⁶, Лейбниц находит совершенно неважным, называть ли некое понятие *q* или *r*, лишь бы соблюдалось условие, «чтобы термину, составленному из каких-либо других терминов, соответствовало число, образованное из чисел этих терминов, умноженных друг на друга»⁴⁷. «Для уяснения природы данного исчисления необходимо понимать следующее: что бы ни выражалось нами в каких-либо буквах, принятых произвольно, то же самое и тем же самым способом можно выразить в любых других принятых буквах. Так что, когда я утверждаю, что данное предложение: “*ab* есть *a*”... также вместо “*ab* есть *a*”, можно было бы сказать “*bd* есть *b*”»⁴⁸. Этим утверждением Лейбниц и соглашается с позволением на произвольность слов Гоббса и Локка, и доводит его до формального выражения. Гарантией же от ошибок в новом способе наименования служит целый ряд правил, касающихся построения и применения «характеристик» в категорических предложениях. Эти правила призваны обеспечить «пропорцию, или отношение знаков», подобные тем, которые существуют между вещами, и которые Лейбниц считает «фундаментом истины» и без которых весь строй нового языка оказывается только пустой формой: «Сколь бы произвольно ни брались обозначения, достаточно, однако, соблюдать правильный порядок и следовать верному методу, чтобы всё всегда оказывалось в согласии»⁴⁹.

Осталось подчеркнуть, что задача, решением которой заняты мыслители Нового времени, имеет целью достижение однозначности высказываний, востребованной познающим разумом в качестве новой инстанции всеобщей достоверности. Такая задача создала необходимость за-

⁴⁶ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении... С. 44-45.

⁴⁷ Лейбниц Г.В. Элементы универсальной характеристики // Там же. С. 506.

⁴⁸ Лейбниц Г.В. Добавления к опыту универсального исчисления // Там же. С. 564.

⁴⁹ Лейбниц Г.В. Диалог // Там же. С. 406-407.

менить естественный язык общения, который до сих пор использовался в научных и философских рассуждениях, языком знаков, которыми в случае Гоббса и Локка могут служить обычные слова, а в учении о комбинаторном искусстве Лейбница приобретают вид чисел и буквенных символов. Проблемой языка в Новое время обеспокоен практически каждый мыслитель. Становится традицией начинать трактаты с определения понятий. В контексте реализации задачи создания и применения универсального языка можно рассматривать и «Этику» Спинозы, изложенную геометрическим способом.

Язык Нового времени строится по образцу математики и математическим способом, а именно из общей определенности науки и мысли в целом как *математических*, где под математическим подразумевается известное заранее и потому задающее условия познанию. Новоевропейское понимание бытия как сознания чуждо греческому восприятию слова как слова самой по себе природы, обладающей способностью производить из себя и себя раскрывать во всех вещах, согласно присущему всему порядку и способу выражения. Кроме того, вместе с освобождением от средневековой достоверности авторитета Бога и Его Слова, слово обыденного языка перестает быть и словом, которое исходит от Бога и которое есть сам Бог. Остается лишь пустая совокупность звуков – причина путаницы понятий и многочисленных софизмов. Но там, где нет общего языка, нет и согласия, там царит вражда. Там, где нет возможности договориться естественным путем, встает необходимость создания искусственного языка. Проекту построения этого языка и посвящают свои исследования Т. Гоббс, Дж. Локк и Г.В. Лейбниц.